

Андрей
Вознесенский

МОЗАИКА

1959—1960

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МОЗАИКА

Стихи и поэмы

ВЛАДИМИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

Андрей Андреевич Вознесенский
МОЗАИКА

Редактор *К. И. Афанасьева*
Художник *Н. Ф. Тарасенко*
Художественный редактор *В. П. Поспелов*
Технический редактор *Л. П. Леонова*
Корректор *А. С. Преображенская*

Владимирское книжное издательство,
г. Владимир, ул. III Интернационала, 53

Сдано в набор 22/II-60 г. Подписано в печать 8/II-60 г.
Бумага $60 \times 92 \frac{1}{32} = 1,1$ б. л., 2,3 п. л., 2,0 уч.-изд. л.
Ж 00013 Тираж 5000 экз. Цена 1 руб. Заказ № 276

Типография Облполиграфиздата,
г. Владимир, ул. III Интернационала, 43

ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ 18-го ГОДА

I

Вдоль по вагонам
Бабой Ягой
Горе стучит
Деревянной ногой.

Как колотушки —
Тук. Тук. —
Клюшки, култышки,
Кружки старух.

Нету ноги.
Руки-крюки.
«Дай! Не побрезгуй
Жертвою брестской!»

II

Снег беспокоен.
Снег бестолков.

Раны России. Церкви. Хоругви.
Жесткие, нежные пальцы хирурга...
Или же сердца взволнованный звук?...
Тук.

Тук.

Тук.

ГОД 1959

«Мир народам!»
«Хлеб голодным!» —
Бегут через годы
Слова по полотнам.
За мир! — Чтоб не только на нашей земле.
За хлеб! — Чтоб не только на нашем столе...
И черная Бирма вбирает отборные
Русские зерна, Ленина зерна.
И ленинский трактор пашет широко
У тропика Рака, в широтах Сирокко
В Марокко, на Яве
Рокочущей
 явью!
Он к людям идет электрической молнией,
Турбиной,
 машиною мукомольною,
Он в радиоволнах проходит сквозь тьму.

МАРТ

По Суздалию, по Суздалию
Сосулек, смальт.
Авоською с посудою
Несется март!

И колокол над рынком
Болтается серьгой.
Колхозницы — как кринки
В машине грузовой!

Я в городе бидонном,
Гудящем, молодом.
«Америку догоним
По мясу с молоком!»

Я счастлив, что я русский,
Так вижу, так живу.
Я воздух, как краюшку
Морозную, жую.

Весна рыжеет кручей.
Весна берет рубеж.

Весна играет крупом
И ржет, как жеребец!

А ржет она над критикой
Из толстого журнала,
Что видит во мне «скрытое
Посконное начало»...

ЛУННАЯ НЕРЛЬ

Есть церкви—вроде тыкв и палиц.
А Нерль прозрачна без прикрас.
И испаряется, как парус,
И вся сияет — испарясь.

Я сходу покидаю лыжню.
Всхожу из мрака на бугор.
Как в телевизорную линзу,
Гляжу в сияющий собор.

Меня пронизывают волны
Высокой, голубой воды.
Твои, Россия, сны и войны
И дикой девочки черты.

Кто жег тебя в татарских станах?
Чьих стай маячили крыла?
Ты рано женщиною стала
И свет нелегкий обрела.

Тебе, одной тебе подсудны
Мои поступки и труды.

Я весь как есть твоя посуда
Высокой, голубой воды.

А ночь ревет мотором МАЗа
Напоминает, торопя...
Поймешь ли, Маша? С кем ты, Маша?
Мне страшно, Маша, за тебя!

ЕЛКА

За окном кариатиды,
А в квартирах — каблуки...

Елок

крылья

реактивные

Прошибают потолки!

Что за чуда нам пророчатся?

Какая из шарад

В этой хвойной непорочности,

В этих огненных шарах?!

О, девчонка с мандолиной!

Одуряя и журя,

Полыхает мандарином

Рыжей челки кожура!

Расшалилась, точно школьница,

Иголки грызет...

Что хочется,

чем колетса

Ее следующий год?

Дурачится, робест..
В окошках тает снег,
И дворничиха в белом,
Как лунный человек.

Века, бокалы, луны...
«Туши! Туши!»
Любовь всегда —
кануны.

В ней —
Новый год
души.

О, елочное буйство,
Как женщина впотьмах —
Вся в будущем,
как в бусах,
И иглы на губах!

БАЛЛАДА 41-го ГОДА

Партизанам Керченской каменоломни

Рояль вползал в каменоломню.
Его тащили на дрова
К замерзшим чанам и половням.
Он ждал удара топора!

Он был без ножек, черный ящик,
Лежал на брюхе и гудел.
Он тяжело дышал, как ящер,
В пещерном логове людей.

А пальцы вспухшие атели.
На левой — два, на правой — пять...
Он

 опускался
 на колени,
Чтобы до клавишей достать.

Семь пальцев бывшего завклуба!
И, обмороженно-суха,
С них, как с разваренного клубня.
Дымясь, сползала шелуха.

Металась пламенем сплошным
Их красота, их божество...
И было величайшей ложью
Все, что игралось до него!

Все отраженья люстр, колонны...
Во мне ревет рояля сталь.
И я лежу в каменоломне.
И я огромен, как рояль.

Я отражаю штолен сажу.
Фигуры. Голод. Блеск костра.
И как коронного пассажи,
Я жду удара топора!

Мое призвание — не тайна,
Я верен участи своей.
Я высшей музыкою стану,—
Теплом и хлебом для людей.

СВАДЬБА

Выходит замуж молодость
Не за кого—за что.
Себя ломает молодость
За модное манто.

За золотые горы
И в серебре виски...
Эх, да по фарфору
Ходят сапоги!

Где пьют, там и бьют,
Чашки, кружки об пол бьют!
Горшки — в черепки,
Молодым под каблук.
Брыжжут чашки на куски —
Чье-то счастье —
В черепки!..

И ты в прозрачной юбочке,
Юна, бела,
Дрожишь, как будто рюмочка,
На краешке стола.

Спокойная наружно,
Сама ты не своя.
Браслеты — как наручники
И бусы — как петля.

Горько! Горько!
Нелегкая игра.
За что? За горьку
С набором серебра?..

О сколько вас, девчонок,
Красивых дур,
Погибло за погоны,
Квартиры, гарнитур!

И сколько слез девчачьих,
Как и на этот раз,
Перерывает плачем
Веселый перепляс!
Где пьют, там и льют —
Слезы, слезы, слезы льют...

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Мальчики с финками, девочки с «фиксами»...
Две проводницы дремотными сфинксами...

В вагоне спят рабочие,
Вагон во власти сна,
А в тамбуре бормочет
Нетрезвая струна...

Я еду в этом тамбуре,
Спасаясь от жары.
Кругом гудят, как в таборе,
Гитары и воры.

И как-то получилось,
Что я читал стихи
Между теней плечистых.
Окурков, шслухи.

У них свои ремесла.
А я читаю им,
Как девочка примерзла
К окошкам ледяным.

Они сто раз судились,
Плевали на расстрел.
Сухими выходили
Из самых мокрых дел.

На черта им девчонка?
И рифм ассортимент?
Таким как эта — с чолкой
И пудрой в сантиметр?!

Стоишь — черты спитые.
На блузке видит взгляд
Всю дактилоскопию
Малаховских ребят...

Чего ж ты плачешь бурно?
И, вся от слез светла,
Мне шепчешь нецензурно —
Чистейшие слова?..

И вдруг из электрички,
Ошеломив вагон.

Ты
чище
 Беатриче
Сбегаешь на перрон.

ПАРАБОЛИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно — во мраке и реже — по радуге

Жил огненно-рыжий художник Гоген,
Богема, а в прошлом торговый агент.

Чтоб в Лувр королевский попасть
из Монмартра.

Он

дал

круталя через Яву с Суматрой!

Унесся, забыв сумасшествие денег,

Кудахтанье жен, духоту академий.

Он преодолел

тяготенья земное.

Жрецы гоготали за кружкой пивною:

«Прямая — короче, парабола — круче,

Не лучше ль скопировать райские кущи?»

А он уносился ракетой ревущей

Сквозь ветер, срывающий фалды и уши,

И в Лувр он попал не сквозь главный порог —

Параболой

гневно

пробив потолок!

Идут к своим правдам, по-разному храбро.
Червяк — через щель, человек — по параболе.

Жила-была девочка рядом в квартале.

Мы с нею учились, зачеты сдавали.

Куда ж я уехал!

И черт меня нес

Меж грузных тбилисских двусмысленных звезд!

Прости мне дурацкую эту параболу.

Простывшие плечики в черном парадном...

О, как ты звенела во мраке Вселенной

Упруго и прямо, — как прутик антенны!

А я все лечу,

приземляясь по ним —

Земным и озябшим твоим позывным.

Как трудно дается нам эта парабола!..

Сметая каноны, прогнозы, параграфы.

Несутся искусство, любовь и история —

По параболической траектории!

В Сибирской весне утопают калоши...

А может быть, все же прямая — короче?

ОСЕНЬ

С. Щипачеву

Утиных крыльев переплеск.
И на тропинках заповедных
Последних паутинок блеск,
Последних спиц велосипедных.

И ты примеру их последуй,
Стучись проститься в дом последний.
В том доме женщина живет
И мужа к ужину не ждет.

Она откинет мне щеколду,
К тужурке припадет щекою,
Она, смеясь, протянет рот.
И вдруг, погаснув, все поймет—
Поймет осенний зов полей,
Полет семян, распад семей..

Озябшая и молодая,
Она подумает о том,

Что яблонька и та — с плодами,
Буренушка и та — с телком.

Что бродит жизнь в дубовых душах,
В полях, в домах, в лесах продутых.
Им — колоситься, токовать.
Ей — голосить и тосковать.

Как эти губы жарко шепчут:
«Зачем мне руки, груди, плечи?
К чему мне жить и печь топить
И на работу выходить?»

Ее я за плечи возьму—
Я сам не знаю, что к чему...

А за окошком в первом инее
Лежат поля из алюминия.
По ним — черны, по ним — седы,
До железнодорожной линии
Протянутся мои следы.

ИЗ ОКНА САМОЛЕТА

В мире друзей, в мире транспорта долгого,
Что ты там делаешь в мире, где дождь?
Делишься с кем мандаринными дольками?
Что за экзамены снова сдаешь?

Или запальчивая, запальчивая,
Снова блистательно заваясь,
Ты пробегаешь цимбальной палочкой
Мимо перил, мимо пилястр!

Ой, вокалисточка, снова за шалости?
Или озябшая, бросив постель,
Бродишь босая и взять не решаешься
Трубку тяжелую, точно гантель...

Замужем ты. Все забылось и зажило.
Что же ты стынешь, свежо и светло,
Как над несущимися пейзажами
Стынет
 пристальное
 крыло?

Б. А.

Дали девочке искру.
Не ириску, а искру,
Искру поиска, искру риска,
Искру дерзости олимпийской!
Можно сердце зажечь, можно — печь,
Можно
 землю
 к чертям
 поджечь!

В папироске сгорает искорка.
И девчонка смеется искоса.

ШАХТЫ

Здесь у парней
Умный закон:
Уголь черней —
Чинце огонь!

Руки черней —
Сердце честней.

Здесь у девчат
Косы, как жгут.
Выйдут — дичась.
Ночью — сожгут.

Кротче ручья? —
Кровь горяча!

Лезу, как в сон,
С шуми
 в забой,
Медведица
 ковшом
Звенит над головой.

Снаружи — день-деньской.

А в шахте —
звездопад.

Округлый и большой.

Как лезвия лопат.

Так вот загвоздка в чем!

Высь —
это глубина.

Я вижу
звезды
днем

С шахтового

Дна.

Кузбасс.

ГРУЗИНСКИЕ ДОРОГИ

Вас за плечи держали
Ручищи эполетов.
Вы рвались и дерзали,—
Гусары и поэты!

И уносились ментики
Меж склонов-черепак...
И полковые медики
Копались в черепак.

Но оставались песни.
Они, как звон подков,
Взвивались в поднебесье
До будущих веков.

Их горная дорога
Крутила, как праща.
И к нашему порогу
Добросила, свища.

И снова мёртвой петлею
Несутся до рассвета

Такие же отпетые —
Шоферы и поэты!

Их фары по спирали
Уходят в небосвод.
Вы совесть потеряли!
Куда вас занесет?!

Из горного озона
В даль будущих веков
Летят высоким зовом
Гудки грузовиков.

ХУДОЖНИК

(Письмо К. Л. Зелинскому)

В век разума и атома
Мы — акушеры нового.
Нам эта участь адова
По нраву и по норову.

Мы — бабки повивальные.
А век ревет матеро,
Как помесь павиана
И авиамотора.

Попробуйте при родах
Подобных постоять
Сгорать на электродах,
И в руки радий брать.

Когда душа-актиния
К скелету приросла.
О, радиоактивная
Основа мастерства!

КАССИРША

Д. Н. Журавлеву

Немых обсчитали.
Немые вопили.
Медяшек медали
Влипали в опилки.

И гневным протестом,
Что все это сказки,
Кассирша, как тесто,
Вздымалась из кассы.

И сразу по залам,
Сыркам, патиссонам,
Пахнуло слезами,
Как будто озоном.

О, слез этих запах
В мычащей ораве.
Два были без шапок.
Их руки орали.

А третий с беконом
Подобием мата
Ревел, как Бетховен,
Земно и лохмато!

В стекло барабана,
Ладони ломая,
Орала судьба моя
Глухонемая!

Кассирша, осклабясь,
Косилась на солнце
И ленинский абрис
Искала

в полсотне.

Но не было Ленина.

Она была

фальшью...

Была бакалея.

В ней люди и фарши.

КОЛЕСО СМЕХА

Летят—носы клубникой, подолаы и трико.
А в центре столб клубится —
Ого-го!

Ой, смеху сколько —
Скользко!

Девчонки и мальчишки
Слетают в снег, визжа,
Как с колеса точильщика
Иль с веловиража.

(Ой, не стремись, мальчишка,
К высокому столбу —
Получишь шишку
Чугунную на лбу!)

Не так ли жизнь заносит
Товарищей иных,
Спины им занозит
И скидывает их?!

Как мне нужна в поэзии
Святая простота!
Но мчит меня по лезвию
Куда-то не туда...

И ты среди орбиты
Стоишь не про меня.
Колени в кровь разбиты.
Смеясь, кляня,
Слетаю метеором, сквозь хохот и галдеж..

Умора!..
Ой, умрешь!

В. БОКОВУ

Нет у поэтов отчества.
Творчество — это отрочество.

Ходит он — синеокий,
Гусельки на вессу,
Очи его — как окуни,
Или окно в весну.

Он неожидан, как фишка.
Ветренен, точно март...
Нет у поэта финиша.
Творчество — это старт.

БАЛЛАДА ТОЧКИ

«Баллада? О точке?! О смертной пилюле?!...»

Балда!

Вы забыли о пушкинской пуле!

Что ветры свистали, как в дыры кларнетов,
В пробитые головы лучших поэтов.

Стрелую пронзив самодурство и свинство,
К потомкам неслась траектория свиста!
И не было точки. А было — начало.

Мы в землю уходим, как в двери вокзала.
И точка тоннеля, как дуло, черна...
В бессмертье она?
Иль в безвестность она?..

Нет смерти. Нет точки. Есть путь пулевой ---
Вторая проекция той же прямой.

В природе по смете отсутствует точка.
Мы будем бессмертны.

И это — точно!

Ты с теткой живешь. Она учит канцоны.
Чихает и носит мужские кальсоны.
Как мы ненавидим проклятую ведьму!..

Мы дружим с овином, как с добрым медведем.
Он греет нас, будто ладошки запаухой.
И пасекой пахнет.

А в Суздале — Пасха!

А в Суздале сутолока, смех, воронье,

Ты в щеки мне шепчешь про детство твое.
То сельское детство, где солнце и кони,
И соты сияют, как будто иконы.
Тот отблеск медовый на косах твоих...

В России живу — меж снегов и святых!

Сидишь беременная, бледная.
Как ты переменялась, бедная.

Сидишь, одергиваешь платъице,
И плачется тебе, и плачется...

За что нас только бабы балуют
И губы, падая, дают,

И выбегают за шлагбаумы.
И от вагонов отстают?

Как ты бежала за вагонами,
Глядела в полосы оконные...

Стучат почтовые, курьерские,
Хабаровские, люберецкие...

И от Москвы до Ашхабада,
Остолбенев до немоты,

Стоят, как каменные, бабы,
Луне подставив животы.

И поворачиваясь к свету,
В ночном быту необжитом --

Как понимает их планета
Своим огромным животом...

КТО ТЫ?

(Из поэмы)

Кто мы — фишки или великие?
Гениальность в крови планеты.
Нету «физиков», нету «лириков» —
Лилипуты или поэты!

Независимо от работы
Нам, как оспа, привился век.
Ошарашивающее — «Кто ты?»
Нас заносит, как велотрек.

Кто ты? Кто ты? А вдруг — не то?..
Как Венеру шерстит пальто!
Кукарекать стремятся скворки,
Архитекторы — в стихотворцы!

И оттаивая ладошки,
Поэтессы бегут в латошницы!
Ну, а ты?..
Уж который месяц —
В звезды метишь, дороги месишь...

ТУМАННАЯ УЛИЦА

Туманный пригород, как турман.
Как поплавки, милиционеры.

Туман.
Который век? Которой эры?

Все — по частям, подобно бреду.
Людей как будто развинтили...

Бреду.
Верней — барахтаюсь в ватине.

Носы. Подфарники. Околыши.
Они, как в фодисе, двоятся.

Калоши?
Как бы башкой не обменяться!

Так женщина — от губ едва,
двоясь и что-то воскрешая,
Уж не любимая — вдова,
еще твоя, уже — чужая...

О тумбы, о прохожих трусь я...
Венера? Продавец мороженого!..

Друзья?

Ох, эти яго доморощенные!

Ты?! Ты стоишь и щиплешь уши,

одна, в пальто великоватом! —

Усы?!

И иней в ухе волосатом!

Я спотыкаюсь, бьюсь, живу,

туман, туман — не разберешься,

О чью щеку в тумане трешь?..

Ау!

Туман, туман — не дозовешься...

Как здорово, когда туман рассеивается!

ВЕЧЕР НА СТРОЙКЕ

Меня пугают формализмом.

Как вы от жизни далеки,
Пропахнувшие формалином
И фимиамом знатоки!

В вас, может, есть и целина,
Но нет жемчужного зерна.

Искусство мертвенно без искры,
Не столько божьей, как людской, —
Чтоб слушали бульдозеристы
Непроходимую тайгой.

Им приходилось зло и солоно,
Но чтоб стояли, как сейчас,
Они — небритые, как солище,
И точно сосны — шелушась.

И чтобы девочка-чувашка,
Смахнувши синюю слезу,
Смахнувши — чисто и чумазо.

Смахнувши — точно стрекозу,
В ладошки хлопала раскатисто...

Мне ради этого легки
Любых ругателей рогатины
И яростные ярлыки.

П О Э М Ы

Юрию Михайловичу Магалифу, впервые столкнувшему меня с этой дикой трагедией — посвящаю;

посвящаю геологам, нашедшим в тайге «мальчика-черта»; посвящаю сибирякам—строителям, летчикам, врачам, педагогам, боровшимся за его жизнь, пробуждая его сознание, поднимая Человека с четверенек.

Б О Й!

ВСТУПЛЕНИЕ,

в котором автор настраивается на поэмыные Сибири

«Ехали казаки,
Зубы казали.
На красных пополах
Лежали поповны!»

Сибирь?..

Соболь — Сибирь?

Сабля — Сибирь?

Староверы — Сибирь?

Сталевары — Сибирь?

Сибирь?..

Харя — точно хала,

Крута, кругла.

Кепчоночка копченая,

Как рыба-камбалá.

«Гитара семиструнная ай пистолет? —

Семь бед на свете, один ответ —

Четыре сбоку и ваших нет!»

Сибирь?..

Заборы — как пилы

Блестят на горе.

Краны —

верзилы

С солнцем в ноздре!

С и б и р ь!

«Была я смоляночка-а,

Стала самодочка-а...

Мы всю ночь с миленочком

Строим семилеточку!

Ой!

А Витька с Галочкой,

Как винтик с гаечкой,

Полюбили намертво,

Д'не сошлись диаметром...

Ой!

Черт, черт —
С сорок третьего года рожденья!

II

Тот год сорок третий пурга замела.
Якутка сына без отца родила.

Он рано пошел. Он рыдал, как удод.
Он весил четыре кило восемьсот.

«Дьявол! — поставил диагноз шаман,
Он — черт, покровитель скота и шайтан».

Мальчонку к свинье подложили в хлеву.
Таежному Маугли пели хвалу.

Он вырос в хлеву. Он сосал от свиньи.
Лес дал ему нравы и знания свои.

III

Родился Ромео!
Родился Мурильо!
Румяный безмерно...
...Чавкают рыла.

А может, под елкой
Родился Шаляпин?
Ликуйте, галерки!..

...Он грязью заляпан.

Ему Афродиты,
Мольберты, комбайны...

...Копыта, копыта!
Кабаньи, кабаньи!

Он — сын человеческий,
Чтоб жать, чтоб молоть,
Чтоб женские плечи —
Как дыни ломоть!..

...Щетина, как стрелы.
И уши до пят...

Родился Гастелло!

...Хряки храпят.

IV

Ой...

Серой волчицей во поле вою...

Ой!

Мальчика, сыночки нету со мною —

Ой...

Люди, вы люди, лютые боровы,

Ой!

Как я рвала их щетинные бороды!

Ой...

Грызла стропила, ногти срывала,

Ой!

Грудь занозила — в щели совала,

Ой...

А он ночами спится —
Как яблочко, лежит...
А солнце бьет в ресницы,
Как бабочка, дрожит...
Ой...

V

Сибирь! Сибирь! Сибирь!
За Человека — бой.
Корчуй, корчуй и строй —
Сибирь! Сибирь! Сибирь!
В бой
 лапою ковша,
В бой
 молнией резца,
Индустрия? —
 Душа!
Сердца! Сердца! Сердца!
«Была я смоляночка-а...»
Сибирь!

VI

Третий Лунник летит, как милый!
Но медвежьи храпят углы.
В них еще существуют рыла
Суеверья, злословья, мглы.

Рыла! Церкви стоят застенками
Рыла! Рынок рычит в окно.
Рыла, потные и застенчивые,
Чей-то лифчик жуют в кино!

Ну, а если душа раскрыта,
Ну, а если душа больна,
Забираются, как в корыто,
И вылизывают до дна.

Это лето! Ох, это лето...
Не пожалую и врагу.
И будь ты проклято, это лето —
Мой побег от Тебя в тайгу!

Жил я в Братске. Дышал кислородом.
Но один регулярный гад
Мне шипел по междугороднему,
Что в Москве про тебя шипят.

Ах, Наташа... Как дышишь тяжело,
С кем на танцах была вчера,
Моя маленькая Наташка,
Как берут тебя на-ура!

Как ты таешь, святая, хрупкая,
Между сплетен, ручищ, вина...
Телефонная трубка хрюкала.
Рылом, рылом плыла луна!

Бой за книгой, за чайной чашкой.
Бой в обнимку с самим собой.
О, как боязно в чаще чавкающей —
Бой, бой!

Это лгговище Иеговы? —
Бой, бой!
Мальчик, голенький, как иголочка —
Бой, бой!

Чтобы эта слеза — последняя,
Бой, бой!
Чтобы больше ни лжи, ни сплетни —
Бой!

Альфа времени и омега —
Бой.
Против зверя — за Человека.
Бой.

И поэту в ночах не спится...
Его сердце трубит трубой.
Не патрицием,
а партийцем —
В бой, в бой!

Это была моя или боль?..
Бой окончен. Да будет бой!

М А С Т Е Р А

*ПОЭМА ИЗ СЕМИ ГЛАВ
С ЭПИЛОГОМ И ПОСВЯЩЕНИЯМИ*

ПЕРВОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Колокола, гудошники...
Звон. Звон...

Вам,
Художники,
Всех времен!

Вам, —
Микеланджело,
Барма, Дант!
Вас молниєю заживо
Испепелял талант.

Ваш молот, не колонны
И статуи тесал —
Сбивал со лбов короны
И троны сотрясал

Художник первородный —
Всегда трибун.
В нем дух переворота
И вечно — бунт.

Вас в стены муровали.
Сжигали на кострах.
Монахи муравьями
Плясали на костях.

Искусство воскресало
Из казней и из пыток
И било, как кресало,
О камни Маобитов.

Кровавые мозоли.
Зола и пот.
И Музу, точно Зою,
Вели на эшафот.

Но нет противоядия
Ее святым словам —
Воители,

ваятели.

Слава вам!

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Москва бурлит, как варево,
Под колокольный звон...

Вам,
Варвары
Всех времен!

Цари, султаны,
В тиарах яйцевидных,
В пожарищах-сутанах
И с жерлами цилиндров!

Импери и кассы
Страхуя от огня,
Вы видели в Пегасе
Троянского коня.

Ваш враг — резец и кельма.
И выжженные **очи**,
Как
клейма,
Горели среди ночи.

Вас мое слово судит.
Да будет — срам.
Да
будет
Проклятье вам!

Где Ладога, луга,
Где радуга-дуга.

Они ложили кладку
Вдоль белых берегов,
Чтоб взвились, точно радуга,
Семь разных городов.

Как флаги корабельные,
Как песни коробейные.

Один — червонный, башенный,
Разгульный, бесшабашный.
Другой — чтобы, как девица,
Был белогруд, высок.
А третий — точно деревце,
Зеленый городок.

Веселые, кирпичные,
Цветите по холмам.

Их привели опричники,
Чтобы построить храм.

III

Кудри — стружки.
Руки — на рубанки.
Яростные, русские,
Красные рубахи.

Ухали «Дубинушку» —
Площади дрожали.
Ухари-детинушки,
Силушку сдержали бы.

Очи—ой, отчаянны!
При подобной силе —
Как бы вы нечаянно
Царство не спалили!

Бросьте, дети бисовы,
Кельмы и резцы.
Не мечите бисером
Изразцы...

IV

Не ярости юродивой
Вы возводили храм,
А богу плодородия,
Его земным дарам.

Здесь купола-кокосы,
И тыквы-купола.
И бирюза кокошников
Окошки оплела.

Сквозь кожуру мишурную
Глядело с завитков —

Что чудилось Мичурину
Шестнадцатых веков.

Диковины кочанные.
Их буйные листы.
Кочевников колчаны
И кочетов хвосты.

И башенки буравами
Взвивались по бокам,
И купола булавами
Грозили облакам!

И москвичи молились
Столь дерзкому труду —
Арбузу и маису
В чудовищном саду.

V

Взглянув на главы шлемы,
Боярин рёк —
«У, шельмы,
В бараний рог!

Сплошные перламутры,
Сойдешь с ума.
Уж больно баломутны
Их сурик и сурьма...»

Купец галантный,
Куль голландский,
Шипел — «Ишь, надругательство,
Хула и украшательство...»

Ярыжка — кочерыжка
Бубнил без передышки:

«Нашел уж царь работничков
Смутьянов и разбойничков!
У них не кисти,
А кистени,
Семь городов, антихристы,
Задумали они.
Им наша жизнь — кабальная
Им Русь — не мать!»

...«А младший у кабатчика
Все похвалялся, тать,
Как в ночь перед заутреней,
Охальник и бахвал,
Царевне
целомудренной
Он груди целовал...»

И дьяки присные,
Как крысы по углам,
В ладони прыснули —
«Не храм, а срам!..»

Мимо ярмарок, где яркие яйца, кружки, караси.
По соборной, по собольей, по оборванной Руси —
Эх, еси —
Только ноги уноси!

Завтра новый день рабочий ослепителен и нов.
Ой, вы плотнички, пилите тес для новых городов.
Го-ро-дов?
Может, лучше — для гробов?!

VII

Тюремные стены.
И нем рассвет.
А где поэма?
Поэмы — нет.

Была в семь глав она —
Как храм в семь глав.
А нынче — безгласна.
Как лик без глаз.

Она у плахи
Стоит в ночи

,

И руки о рубахи
Отерли палачи.

Э П И Л О Г

Вам сван не бить, не гулять по лугам.
Не быть, не быть, не быть городам!

Узорчатым башням в тумане не плыть.
Ни пашням, ни солнцу, ни соснам — не быть!

Ни белым, ни синим — не быть, не бывать.
И выйдет насильник губить-убивать.

И женщины будут в оврагах рожать.
И кони без всадников мчатся и ржать.

Сквозь белый фундамент трава прорастет.
И мрак, словно мамонт, на землю сойдет.

Растерзанным бабам на площади выть.
Ни белым, ни красным, ни прочим — не быть.

Ни в снах, ни воочию, нигде, никогда...

Врете,
 сволочи!
Будут города!

Сверкнут меж холмов
Семицветьем всем
Не семь городов,
А семижды семь!

Над ширью вселенской
В лесах золотых

Я,
Вознесенский,
Воздвигну их!

Я парень с Калужской,
Я явно — не промах,
В фуфайке колючей,
С хрустящим дипломом.

Я той же артели, что семь молодцов,
Что семь молодцов,
Бушуйте в артериях,
Двадцать веков!

Я тысячерукий —
руками вашими,
Я тысячеокий —
очами вашими.
Я осуществляю в стекле и металле —
О чем вы мечтали,
о чем — не мечтали

Перроны, пилоны,
Как сахар пиленный.
Сверкнут оперенно
Дома их перлона!
Дома-дирижабли.
Ангары-дельфины.
И дерзкая сабля
Ангарской плотины.

Здорово!..

Я со скамьи студенческой
Мечтаю, чтобы зданья
Ракетой
Стоступенчатой
Взвивались в мирозданье!
Пусть радуг семицветия
Играют под резцом.
Пусть смелость

семилетия

Мне будет образцом.

В нем каждый год,
как город,

В котором я — строитель.

О, ненасытный голод

Работы и открытий!

Весомой дерзостью,

Дерзки, чисты,

Имеют те же тезисы

Мои мечты.

И завтра ночью тряскою

В 0.45

Я еду в Братскую,

Чтоб их осуществлять...

СОДЕРЖАНИЕ

Ленин на трибуне 18-го года	3
Год 1959	5
Март	7
Лунная Нерль	9
Елка	11
Баллада 41-го года	13
Свадьба	15
Последняя электричка	17
Параболическая баллада	19
Осень	21
Из окна самолета	23
Б. А.	24
Шахты	25
Грузинские дороги	27
Художник	29
Прадед	31
Колесо смеха	33
В. Бокову	35
Баллада точки	36
Ты с теткой живешь	37
Гойя	38
Сидишь...	39
Кто ты?	41
Туманная улица	43
Вечер на стройке	45
Бой (Поэма)	49
Мастера (Поэма)	59

1 p.